

Л. И. ИВОНИНА

«ПОНЯТЬ ЧЕЛОВЕКА – САМАЯ ЗАМАНЧИВАЯ И, УВЫ, НЕРАЗРЕШИМАЯ ЗАДАЧА»

Статья представляет собой рецензию на книгу известного российского историка Андрея Соколова «Кларендон и его время. Странная история Эдварда Хайда, канцлера и изгнанника». В ней показаны как достоинства работы, так и ее недостатки, а также отражены дискуссионные моменты.

Ключевые слова: биография, Кларендон, интеллектуальное наследие, политика, гражданская война

В знаменитом произведении А. Конан Дойла «Собака Баскервилей» в зачитанной доктором Мортимером легенде этого рода есть такая фраза: «Итак, знайте, что во время великого восстания (на историю которого, написанную ученым лордом Кларендоном, я должен серьезно обратить ваше внимание), поместье Баскервиля находилось во владении Гюго Баскервиля, самого необузданного, нечестивого безбожника...»¹. Апелляция известного писателя к Кларендону для изучения и понимания английских событий середины XVII века свидетельствует о том, насколько распространенным было высокое мнение о герое новой книги доктора исторических наук, профессора А.Б. Соколова².

Исследование биографии и интеллектуального наследия Эдварда Хайда, графа Кларендона, британского государственного деятеля, крупного историка и мыслителя, представляет несомненный интерес для понимания, прежде всего, истоков и путей формирования новой картины мира, складывавшейся в британский «век революций». В одной из своих статей А.Б. Соколов привел слова американского историка М. Браунли о том, что «английская история могла пойти совершенно другим путем, если бы с середины 1650-х гг., а особенно в 1660 г. главным советником Карла II был другой человек. Как ведущий переговорщик со стороны роялистов он обеспечил то, что Англия осталась монархией. В то же время его условия признавали права и участие парламента в управлении. Кроме того, он восстановил первенство закона, серьезно подорванное во время событий 1640–1660 гг. После Реставрации его настойчивость в том, чтобы, в целом, амнистировать за действия, совершенные в прошлом, заложила твердую основу долгого процесса выздоровления и объединения нации»³. Уже только это высказывание заставляет обра-

¹ Конан Дойл 2015. С. 25.

² Соколов 2017.

³ Соколов 2013. С. 42.

тить внимание на человека, который был несправедливо оттеснен на задний план на сцене английской истории XVII века. Поэтому Соколов задает вопросом: кем же был Кларендон, «жирным стряпчим», как его называли противники, или, по определению английского писателя XVIII века Хораса Уолпола, «канцлером с человеческой душой»?

В книге решаются три главных задачи: понять мотивы, двигавшие поступками Кларендона; дать читателю представление о его эпохе; охарактеризовать историческое, литературное и морально-этическое наследие Кларендона (с. 13-15). Следует сразу же подчеркнуть, что Соколов затрагивает множество сложных проблем британской истории. При этом ему удалось создать цельное произведение, где анализ основных тенденций развития английского общества и государства органично сочетается с описанием колоритных фигур монархов, министров, придворных, интеллектуальной элиты, в т.ч. друзей и противников Кларендона. В целом, история подана глазами Эдварда Хайда и глазами автора книги так, что при ее прочтении возникает ощущение, что ее героев много – не только Кларендон, его эпоха и окружение, но и его исследователи, в т.ч. сам автор. Все звенья этой «героической» цепи переплетаются в довольно стройную нить повествования и фундированного анализа, основанного на солидном массиве источников и историографии.

К описанию жизненной истории Эдварда Хайда Соколов применяет прилагательное «странная» в значении «удивительная», «необычная» (с. 8). Несомненно, она таковой и являлась, но, вместе с тем, отмечу, что «странными» можно назвать истории многих выдающихся личностей бурной и противоречивой эпохи Барокко, богатой на события, отражавшиеся на судьбах людей. Само содержание книги доказывает это.

Названия всех глав, за исключением шестой («Канцлер с человеческим сердцем») – цитаты из Кларендона. Пролог и глава 1 «Высшая степень благополучия, когда-либо существовавшая» знакомят читателя с краткой характеристикой правления Якова I Стюарта, «мирным» правлением его сына Карла I и формированием личности Эдварда Хайда. В принципе, Соколов согласен с историками ревизионистского направления в том, что не существовало преемственности между политикой этих двух королей, и нельзя рассматривать парламенты Якова как прелюдию к гражданской войне (с. 32-33). Эту позицию можно принять лишь отчасти. «Консенсус» якобеанской Англии имел место, однако он состоял не столько во взаимном согласовании проблем, сколько в предотвращении разрушительного столкновения противоположных мнений⁴. Методы политики Якова и Карла существенно различались, но при этом и тот, и другой разными способами отстаивали одну и ту же форму власти, которой в новых условиях британской жизни они не желали делить-

⁴ Houlbrooke 2006. P. 171.

ся с Парламентом. Кроме того, крах системы внешнеполитического равновесия, которую лелеял Яков I, не мог не отразиться на правлении его наследника. Когда на сцене этого театра-мира появляется Эдвард Хайд, он предстает не статичной, а очень живой фигурой с четко выписанным собственным характером и особенностями его окружения, начинавшегося с семьи и друзей. С этого времени история Британии в книге становится историей Кларендона – не обладавшего крепким здоровьем стоика-интеллектуала, всегда имевшего свою позицию и отстаивавшего ее.

Главы третья, четвертая и пятая повествуют об истории Великого мятежа, или Английской революции середины XVII в. Позиция автора вполне беспристрастная, он симпатизирует своему герою, но и не скрывает его недостатки. Кларендон у Соколова – рационально и объективно мыслящий человек. Автор оправданно не согласен с тем, что «вопросы религии были для него вторичны: сама интерпретация гражданской войны строится на восприятии им протестантства и католичества» (с. 12). В отличие от клише советской историографии, близкий к королю Эдвард Хайд у Соколова не консервативен, связывая «происхождение конфликта, приведшего к гражданской войне, с взаимным непониманием, порожденным отсутствием гармонии в отношениях короны и парламента во второй половине 1620-х гг.» (с. 41). Согласно Кларендону, Карл I, созывая Короткий и Долгий парламенты, и ведя шотландскую войну, совершал одни ошибки (с. 97-99). В книге предстает неоднозначная и спорная характеристика графа Страффорда, предстающего в глазах автора похожим на античного стоика, а в глазах Кларендона – человеком, который «по природе отступничества... стал главным поборником тирании, каких только видели времена» (с. 101-102).

Соколов сделал немало интересных наблюдений. Так, он заметил: «С долей преувеличения, ссылаясь на опыт Английской и Французской революций, можно сказать: их виновниками были адвокаты, юридической казуистикой разжигавшие костер существовавших противоречий». Автор приводит доказывающие это положение цифры: в палате общин в 1614 г. заседали 48 юристов и 42 купца, а в 1640 г. – 75 адвокатов и 70 коммерсантов. По сути, юристы являлись второй группой в палате по численности после джентри (с. 54). Примечательно, что описание политических потрясений середины XVII века подается из лагеря роялистов, при этом оценки их лидеров весьма взвешенные. В целом, гражданская война 1642–1648 гг. была «протоестественной» не только для Кларендона, но и для многих современников (с. 140).

Главу пятую «Отдать сердце целиком выздоровлению Англии», пожалуй, можно назвать самой удачной в книге. Здесь Кларендон предстает не только как историк, но и как способный политик, умеющий анализировать обстоятельства и заставить их служить роялистскому

делу. Соколов отмечает, что Хайд стойко переносил изгнание, проявлял интерес к жизни, в частности, интересовался жизнью университета Алькалы в Испании (с. 283). Главный герой книги не рассматривал иностранную интервенцию в качестве инструмента восстановления Карла II Стюарта на престоле, а полагал, что следовало дожидаться благоприятных обстоятельств. Первейшей задачей он считал сбор информации об Англии. Как показало время, эта тактика себя оправдала. Параллельно Хайд готовил роялистское восстание (С. 299-302). Любопытными были его оценки политических деятелей Протектората. Самой взвешенной из них следует назвать оценку Кромвеля, которого он, несмотря на критику, рассматривал как достойного противника и не считал тираном. В его сыне Ричарде он видел ничтожество, а к генералу Монку относился неоднозначно, считая его главным стимулом в политике любовь к деньгам (с. 307-314). При этом Хайд не акцентировал внимание на собственной роли в Реставрации, поскольку усматривал в ней не столько следствие усилий и действий роялистов, сколько результат разложения режима, расплату за грехи Протектората (с. 324).

Глава шестая посвящена деятельности Кларендона на посту канцлера. Соколов, как и ряд исследователей, придерживается мнения, что Хайд стал правой рукой Карла как в силу взвешенности своего характера, так и в силу того, что его тактика в изгнании себя оправдала (с. 334). Но оправдала ли она себя в дальнейшем? Автор книги не случайно подробно описал жестокие репрессии, поскольку все нити судебных процессов были в руках Кларендона (с. 345). Однако, подобно самому Хайду и историкам, он не дал однозначного ответа, ответственен ли лорд-канцлер за них. В любом случае, объяснять изощренные казни требованием роялистов и желанием «хлеба и зрелищ» со стороны толпы явно недостаточно. Возможно, близка к ответу Р. Уэджвуд в приведенной Соколовым цитате о том, что «господствовавшее настроение в защиту монархии сделало этих людей (цареубийц) козлами отпущения за преступления нации» (с. 346). В 1649 г. таковым являлся король, обвиненный в развязывании гражданского противостояния. Причинами уменьшения влияния Кларендона автор справедливо называет его неважные отношения с товарищами по изгнанию и Парламентом, а также его религиозную политику. Похоже, почва, на которой Хайд желал посеять свои идеи, для последних не подходила. Большую лепту в недоверие к канцлеру внесла и вторая Англо-голландская война, дискуссии вокруг которой хорошо отражены в книге (с. 381-386).

В небольшой седьмой главе повествуется о последовавшем за отставкой новом изгнании Хайда, в котором он прожил драматичные, но бедные на события, семь лет. Его одолевали телесные и душевные муки, он был вынужден постоянно перемещаться по Франции, но много

писал. Терпение и вера в Бога помогали ему (с. 421). «Приноравливаясь разумом к судьбе», он держался, по словам апологетически относившегося к нему Р. Олларда, как Стоик, Христианин и Эпикурец, не желая тяготить родных, к которым он относился с большой теплотой (с. 433). Время, отведенное ему до кончины, сделало свое дело – он мог переосмыслить события своей «странной» жизни.

Завершает книгу Эпилог. В нем немало места отведено потомкам Кларендона, но, разумеется, главным его наследием, принадлежащим образованной части человечества, автор называет его литературные труды. Среди них не только известная «История мятежа и гражданских войн», к которой, по справедливому замечанию Соколова, корреспондируют британские историки-ревизионисты (с. 449), но и менее изученные в отечественной историографии его политические и религиозные сочинения, а также труды по моральной философии.

В работе, охватывающей сложный исторический период и затрагивающей множество сюжетов, трудно избежать некоторых ошибок, неточностей и, конечно же, дискуссионных моментов. Укажу на некоторые из них. На с. 25 Тридцатилетняя война начинается с «провозглашения Фридриха Пфальцского, зятя Якова, императором», тогда как чешские повстанцы предложили ему лишь корону Богемии. Пфальц, уже на с. 41, по кальке с английского языка, именуется «Палатинатом». Ту же кальку можно заметить и на с. 250, когда автор пишет «соседние принцы», а не государи. Такие случаи не единичны. Остается также неясным, как все-таки назвал Карл II свою супругу Екатерину Браганца, впервые увидев ее: «жердью вместо женщины» (с. 376), или, что чаще встречается в литературе – «летучей мышью»? Ряд дискуссионных моментов я затронула выше, но здесь остановлюсь на самом важном. Мне представляется, что «время Кромвеля» все-таки нельзя заменить «временем Кларендона», прибавив к нему еще шестнадцать лет Реставрации, как это предлагает автор книги (с. 7). При этом перспектива – смотреть на ход событий Английской революции с позиций сторонников Парламента и Протектората, или же с позиций роялистов – не так уж и важна. Просто Кромвель решил изменить картину окружающего его мира, а вот решил бы на это Кларендон? Не вынесла ли его на высокую волну политической и интеллектуальной жизни харизма того же Кромвеля?

Эти замечания и соображения не влияют на общую высокую оценку книги, опровергающей многие стереотипы эпохи политических потрясений середины столетия Барокко и Реставрации Стюартов и предлагающей ее новый образ – более непредсказуемый и сложный, чем считалось ранее. Автору прекрасно удалось соединить в своем тексте, охватывающем множество сложных и дискуссионных проблем, строгую научность с увлекательностью изложения. Книга одновремен-

но академическая и популярная, объективная и личная. Справился ли автор с поставленными задачами? Несомненно, да. Разгадал ли он натуру Кларендона? А.Б. Соколов сам ответил на этот вопрос, подчехнув, что нет, он лишь в чем-то приблизился к пониманию этой личности, и заметив, что Кларендон оставил нам загадки, которые сам не пожелал открыть (с. 460). Мы можем создавать только лишь интерпретации, исходя из его действий.

В любом случае, автор вывел уроки Кларендона, заметив, что его труды – часть сокровищницы мировой культуры и огромное достижение человеческого интеллекта. Он был и останется интересен..., потому что пытался понять Человека – самая заманчивая и, увы, неразрешимая задача» (с. 460). Книга заставляет задуматься о многом.

В заключение еще раз хотелось бы отметить, что перед нами нужная и интересная работа, которая будет востребована как специалистами, так и всеми интересующимися британской историей раннего Нового времени. Текст книги дополняет и украшает ценный иллюстративный ряд, позволяющий не только воочию представить героя книги, но и образы его эпохи.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Конан Дойл А. Собака Баскервилей. М.: АСТ, 2015. 224 с.
 Соколов А.Б. Кларендон как историк//Диалог со временем. 2013. Вып. 45. С. 41-69.
 Соколов Андрей. Кларендон и его время. Странная история Эдварда Хайда, канцлера и изгнанника. Санкт-Петербург: Алетейя, 2017. 469 с.
 Houlbrooke R.A., ed. James VI and I: Ideas, Authority and Government. London: Ashgate Publishing, Ltd., 2006. 198 p.

REFERENCES

- Conan Doyle A. Sobaka Baskervillej. Moscow: AST, 2015. 224 p. (In Russian).
 Houlbrooke R.A., ed. James VI and I: Ideas, Authority and Government. London: Ashgate Publishing, Ltd., 2006. 198 p.
 Sokolov A.B. Clarendon kak istorik//Dialog so vremenem. 2013. Vip. 45. S. 41-69.
 Sokolov A.B. Clarendon i ego vremja. Strannaja istorija Edvarda Hajda, kanzlera I izgnannika. Sankt-Peterburg: Aleteja, 2017. 469 p.

Ивоина Людмила Ивановна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Смоленского государственного университета; ivonins@rambler.ru

“To understand a person is the most tempting and, alas, unsolvable task”

The article is a review of the book of the famous Russian historian Andrei Sokolov “Clarendon and his time. The Strange Story of Edward Hyde, Chancellor and Exile”. It shows both the advantages of the work, and its shortcomings, and also reflects the discussion points.

Keywords: biography, Clarendon, intellectual heritage, politics, civil war

Liudmila Ivonina, Dc. Sc. (History), Professor of the Department of History and Law, Smolensk State University; ivonins@rambler.ru